

Пришла с работы, с коровника, мать Фетисыча — Анна, женщина молодая, но полная, с одышкой. Через порог шагнув, она присела на табурет, укорила:

— Сидите? Дремлете? А мамка ваша — вся в мыле. Опять на себе тягали солому и силос. Вся техника стоит.

— А бригадир чего же? — живея, спросил Фёдор.

— От него проку... Ходит — роги в землю, ни на кого не глядит.

— А Мишки Холомина «Беларусь»? Он — гожий.

— Мишкин трактор теперь один на весь хутор. За ним, как за стельной коровой, глядят. Говорят, на случай. Кто заболевает... Или за хлебом. Тётка Маня правду гутарит: надо быков заводить. Бык — скотина беспогрешная. Ни солярки ему не надо, ни запчастей. На сололке попрёт.

Анна пришла в себя скоро: недолго посидела, прислонившись к стене, пожаловалась и, поднимаясь, спросила строго:

— А даже из печки не выгребли? Меня ждёте? И угля нет?

Фетисыч, не дожидаясь, пока погонят его, резво подался в сарай, за углём. Вернулся он, как всегда, с новостями:

— Набирал уголь... Там глыба такая огромная. Я молоток взял и ка-ак ударил её. Со всех сил! И вдруг — взрыв такой! Все осветилось! — Он вскинул руки. Глаза его сияли восторгом. — Там же темно. И вдруг — огонь! Синий такой!

— Ты, может, спичкой чиркнул? Поджёл? — тревожно спросила мать.

— Нет. Я глыбу ударил — и сразу такой взрыв!

Фёдор молчком сходил в сарай и сразу вернулся.

— Чего там? — спросила жена.

— Как всегда, брешет, — махнул рукой Фёдор, а пасынку сказал: — Ты на рожу на свою погляди в зеркало, взрывник.

Но Фетисыч ещё не всё рассказал. Он вынул из кармана телогрейки четыре куриных яйца и сказал матери:

— Ты меня не ругай, ты прости меня. Я одно яйцо разбил нечаянно.

— Это уж как положено. Хорошо хоть не все кокнул.

— Зато я сделал доброе дело: тётку Шуру обрадовал. Я из гнезда забрал яйца, там их десять было. Пять тёмных и пять белых. Я сообразил: у нас все куры красные, они тёмные яйца несут, а у тётки Шуры — белые, значит, её куры у нас снеслись. Правильно я сообразил? А тётка Шура как раз во дворе была. Я её и обрадовал, отдал пять яиц и сказал, что всегда буду белые яйца ей отдавать. Правильно я сделал?

Фёдор ухмыльнулся.

— Тебя кто за язык тянул? — досадуя, спросила у Фетисыча мать. — Тебе кто велел лезть в эти гнезда? Тёмные, белые... Грамотей. Либо тебе куры докладывают, какие они яйца несут? Знахарь... Она своих кур сроду не кормит. А мы вволю сыплем. Вот они и бегут на чужбинку. А ты ей — яйца. И она взяла, бесстыжая. А ты вечно суёшь свой нос куда не просят.

Фетисыч всё понял и молча убрался из кухни. Добро, что дом был немалый: три комнаты кроме кухни. Самая дальняя —

Фетисыч — правнук Филиппка

Журнал «Народное образование» не раз обращался к наследию писателей, писавших о школе, о просвещении. А.П. Чехов, В.М. Дорошевич, Н.Г. Помяловский... Классики русской прозы и журналистики в своих произведениях правдиво и художественно отразили фрагменты школьной жизни своего времени, подняли целый ряд «вечных вопросов», которые никогда не потеряют актуальности. Рассказ «Фетисыч», который мы предлагаем вашему вниманию, написан совсем недавно — в середине 1990-х годов...

Писатель Борис Петрович Екимов родился в Игарке, в 1938 году. Работал токарем, электромонтёром на заводе, строителем. Трудился в разных городах России и Казахстана... Почувствовав в себе писательское призвание, Борис Петрович пришёл к школе, к работе учителя. Учительский труд испокон веков сочетался с писательским. Первая публикация Б.П. Екимова состоялась в далёком 1965 году. В семидесятые годы вышли в свет книги «Девушка в красном пальто», «У своих», «Офицерша». Позже были и другие книги, подтвердившие талант прозаика в самом трудном, гроссмейстерском жанре русской литературы XX века — в жанре рассказа. Критики причислили Екимова к плеяде деревенщиков. К волгоградскому писателю пришла не громкая, но заслуженная слава, читатели Советского Союза поверили Екимову. А в девяностые годы его рассказы и вовсе стали ярчайшим событием в нашей небогатой литературной жизни. Пожалуй, никому из писателей не удалось сказать о новом времени так правдиво. И дело вовсе не в публицистике риторических фигур — дело в том, что образы Екимова, вышедшие из девяностых годов, не фальшивы. В них живут все противоречия нашего времени, в героях Екимова всегда можно различить и божественное, и человеческое начало, возвышенное и земное. Писатель заговорил о школе. Школа Фетисыча — это не только «многих славных путь», путь к свету просве-

щения. Школа — это то объединительное начало, которое заставляет маленького гражданина чувствовать себя частицей культурного и государственного пространства. Фетисыч — человек самостоятельный и упорный, но именно школьное учреждение становится для него необходимой духовной опорой. Затерянная в тихих местах школа. Помните, как писал поэт:

Школа моя деревянная!..
Время придёт уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

Очень важный для каждого из нас, несокрушимый образ. Вспоминаются и Некрасов, и Рубцов, и Лев Толстой... И Екимов, его Фетисыч. Фетисыч, который готов пожертвовать своим детством, чтобы помочь школе... Имеем ли мы право обделять таких Фетисычей великим завоеванием XX века — общедоступной школой?.. Этот нелёгкий вопрос задают себе читатели Екимова, проникнувшись атмосферой нынешней постыдной разрухи... Маленький Фетисыч — несомненный правнук толстовского Филлиппка — отчаянно вступает в бой с этой разрухой — и, как бы ни сложился сюжет рассказа, выходит победителем. Он не предаст свою деревянную школу, он из крепких, он ещё поучительствует в ней...

Проблемы современной сельской школы в «Фетисыче» проявляются с беспощадной, хирургической точностью. Не хватает учителей, не хватает тепла — и электрического, и душевного. Но мальчик знает: не стоит село без праведника. Он бессознательно ощущает ответственность за школу, за своих младших товарищей... Вдумаемся: сколь многое сообщает нам о нас самих этот литературный образ — сельский школьник Яков Фетисыч. На таких Россия держится. И уже нелегко различить — на реальных или на литературных героях. Главное — на героях.

Арсений Замостьянов

его. В невеликой этой комнатке стол да кровать помещались, на стене — красочный плакат улыбочивого мускулистого мужика с квадратной челюстью и короткой причёской, по фамилии Шварценеггер. Фетисыч когда глядел на него, то напрягался и зубы скалил. Но на Шварценеггера он был не очень похож. Во-первых, девять лет от роду. Во-вторых, стричься было негде. Отчим Фёдор мудрил порою над ним с машинкой да ножницами, оставляя чёлку на лбу и голый затылок. Получалось не очень внушительно: чёлка светлых волос, вздёрнутый нос, круглый подбородок — далеко до силача. Но Фетисыч тренировался. В школе на турнике подтягивался на пятёрки целых шесть раз.

Через комнаты глуховато, но слышно было, как ругается мать: — Это вы вчера рамы с медпункта пропили? Доумились? — Разведка доложила? — Доложила. Вот участковый прищепит — назад потянете.

Курочат всё подряд. Всё на пропой, на пропой. А нам край надо бы возле кухни затишку постановить, как у кумы Таисы. В затишку — печку. Летом так расхорошо, не жарко. И курник стоит раскрытый. Шифера бы листов пять или досок, хоть горбыля. Люди во двор тянут, для дела, а ты...

— Пузырь поставь — и к тебе притянем.

— Да уж всё растянули. Свинарник какой расхороший был, сколь шиферу, сколь досок. А в клубе, говорят, и полов уж нет.

— Полов... Вспомнила. Уж потолки снимают.

— Либо Рабуны? Они же кухню строить задумали. Рядом живут. Хозяева. А у нас курник раскрытый.

— Пузырь. И всё будет! — оживился Фёдор.

— Да если в дело, я два поставлю.

— Это уже разговор.

— Бесстыжий... Для дома, для семьи, а ты готов...

— Это не разговор, — перебил её Фёдор.

— Разговор, не разговор. Засели, как баглаи. Только и глядите, где бы чего украсть и пропить. Нет чтобы на ферму прийти да жёнам помочь, — корила Анна. — Бабы — в мыле, а мужики прохладничают.

— Вы задарма горбитесь — и мы пойдём рядом с вами. Коммунистический труд? Пошли они.

— Вот и пошли... А водку кажедённо глотать...

Укоры были те же, что и вчера, и позавчера, и всю долгую осень.

А у Фетисыча уроки были сделаны, можно и в школу отправляться. Хоть и рановато, но веселее там.

Через кухонную толкотню, где суматошилась мать, понемногу наливался похмельною злостью отчим, и лишь кудрявая Светланка жила своей детской счастливой жизнью. Через всё это Фетисыч пробился быстро и выбрался на волю.

Уже пошёл декабрь, но долгая поздняя осень, словно грязная злая старуха, бродила по хуторам. Низкие набухшие тучи, морося, ползли и ползли, а то и висели над хутором, цепляясь сирым провисшим брюхом за маковки старых груш. По теплу, по лету, хутор тонул в садах. Теперь же через голые ветви всё наск-